Меня зовут Джордж Джостар. Мне пятнадцать лет и я живу в Японии, в префектуре Фукуи. Вообще, я англичанин... но выгляжу я как японец и, наверное, японцем и являюсь. По неизвестным мне причинам мои японские родители не имели возможности обо мне позаботиться, а может, они никогда и не собирались этого делать; даже не дав мне имени, меня передали в соответствующие органы, после чего я был усыновлён семьей Джостаров. Из-за этого я получил имя, являющееся как английским, так и японским. Согласно японскому законодательству, когда мне исполнится восемнадцать, мне придется выбрать либо английское, либо японское гражданство; между тем мне придется выбрать себе ещё и официальное имя. В настоящий момент мое официальное имя пишется катаканой без использования кандзи или латинских букв. По-латински моё имя в паспорте пишется как ДЖОДЖИ ДЖОСТАР, и это отстойно. Если я выберу японское гражданство, то на восемнадцатый день рождения мне придется выбрать для своего имени кандзи, и пока я склоняюсь к кандзи со словами «переданный» и «ребенок» (□□), придерживаясь японской идеи о том, что имя должно описывать человека. Но с тех пор, как меня растили англичане, в моменты, когда я пытаюсь вести себя как японец, моё поведение начинает казаться наигранным; я привык к катакане, и мне всё равно на своё японское имя. Что же насчёт моего английского имени, то, несмотря на твердые возражения моей семьи, я полностью определился с именем "Jorge", а потому всегда при любой возможности пишу его так. В латинском я не силён, но мои друзья зовут меня Джоджо, и часто меня называют Детективом Джоджо. Выбрал бы я себе имя "George Joestar", и звать меня по кличке Джоджо было бы невозможно. Если не рассматривать иные варианты, то с именем Джоджи проблем с кличкой у меня бы не возникло, однако, позволь я прочитать его любому носителю английского языка — он бы никогда не прочёл его правильно. Джоджи — японский вариант чтения для японцев. Есть у меня такая черта характера, не дающая мне покоя в случае, если детали не сходятся. Именно она привела к тому, что моя комната очень чиста, а меня самого она сделала крутым детективом.

И сейчас эта черта выводит меня из себя.

Уже некоторое время что-то меня беспокоит и закрадывается в голову. Это особое беспокойство мучает меня последние пару лет с тех пор, как я разгадал пятнадцать загадок запертых комнат[1] подряд, хотя, по существу, весь этот год меня отвлекали два расследования дел серийных убийц. Но теперь, когда я успешно поймал психопата, расчленившего тройняшек, Гуругуру Мадзина и до меня дошли новости о том, что серийного насильника Маникюрщика поймали после его побега шесть месяцев назад, я наконец-то мог расслабиться. Я полностью отчитался за свои проделки перед отцом, которого (вследствие очень неудачной попытки выбрать имя с японским звучанием) звали Джонда Джостар. Затем я отправился спать и наконец-то вспомнил причину своего негодования.

Если конкретно, то вот статья из газеты, в которой на карте префектуры Фукуи отмечены местоположения пятнадцати загадок запертых комнат. Все инциденты произошли в северной половине Фукуи, в районе под названием Рейхоку. В газетной статье они были пронумерованы в хронологическом порядке; другими словами, по порядку гибели жертв. С точки зрения новостей это имело смысл, но мне сразу же показалось, что такой подход был совершенно неподходящим для этих конкретных случаев. Суть трюков запертых комнат заключается в их изобретении. Достижение того, что комната была заперта изнутри — вот что для них характерно. Работа убийцы заканчивается их изобретением.

Я представил в голове карту, пронумеровав места в порядке обнаружения.

Уже какое-то время что-то в этой карте будоражит моё сознание. Моё чутьё подсказало мне, что в этом порядке заключён особый смысл.

Моя первая мысль была о том, что места преступлений медленно перетекают на юг. В каждом из пятнадцати случаев был свой убийца, но между ними, жертвами или иными аспектами этих дел мы не нашли никакой связи. Однако, инциденты происходили примерно в направлении с севера на юг, перемещаясь на карте как холодный фронт. Площадь Рэйхоку не была слишком уж огромной; пятнадцати загадок запертых комнат, появляющихся быстрыми темпами, было достаточно, чтобы задаться вопросом: было ли желание совершить убийство в запертой комнате передаваемо? Вспышка синдрома убийств в запертой комнате. У меня были расплывчатые воспоминания о каком-то эксперте, который это же предполагал в новостях.

Возможно, это тот же случай, что с расчленением; всем известно, что как только в общественное сознание проникла идея о том, что расчленение своей жертвы позволяет с большей лёгкостью перенести и спрятать тело, а также сбить следователей с пути, мы увидели резкий рост числа изуродованных трупов. Но если бы дело было в этом, то это влияние распространилось бы на всю страну, и тенденция не умерла бы всего лишь после пятнадцати случаев. Однако это и произошло. Насколько я знаю, за следующий после пятнадцатого случая год больше загадок запертых комнат не возникало. Эти пятнадцать были отдельной группой. Кажется, между ними не было никакой связи…или же кто-то заставлял нас так думать.

Я вновь открыл воображаемую карту и уставился на неё. Была ли какая-то закономерность в, казалось бы, случайном распространении. Какой-то принцип? Что-то помимо общей направленности с севера на юг, черта или… граница?

Это были убийства в запертых комнатах; они происходили в закрытом пространстве. Была ли какая-то граница вокруг каждого из них? Почему слово «граница» так привлекло моё внимание? Вокруг карт есть контур, отмечающий границы местности или изображённого участка.

Я был уверен, что места всех преступлений были не разбросаны случайным образом, а тщательно расположены на соответствующих дистанциях, отдалены друг от друга настолько, насколько это позволяли границы. Но я не мог понять, где были эти границы. Почему же?

В городе Такэфу подобных случаев замечено не было, из-за чего на карте образуется большая белая зона, и мне показалось, что это мешает мне увидеть закономерность. Если бы шестнадцатый случай произошел здесь, то в этой карте было бы намного больше смысла, подумал я… и внезапно прозрел. У этого участка были свои границы, чётко выделявшие свободное пространство. Большая сетка 4x4 была наложена на всю карту; всё это время она была прямо перед моим носом, но пустой участок сбил меня с толку.

Взглянув под таким углом, я понял, что свободное пространство, пустой квадрат, было ключом ко всему. Это были гигантские пятнашки.

Спустя мгновение я решил головоломку. Это было легко. Мне нужно было передвинуть каждую клетку на одну позицию.

Каждое число находилось на расстоянии всего одной клетки от следующего по возрастанию. Из-за того, что они были перемещены в разных направлениях, всё казалось случайным; но последовательность была прямо перед моим носом.

Разгадав головоломку двухлетней давности, я задумался, что же это могло значить.

Пятнашки.

Если это была головоломка, значит, кто-то её составил. И раз она была скрыта, то это значит, что в ней было сообщение для того, кто её обнаружит. Пытался ли кто-то мне что-то сказать?

Когда два года назад прошлась волна убийств в запертых комнатах, мы с полицией, конечно же, тщательно искали любые связи между ними и бесчисленное количество раз убедились, что таковых не было. Так был ли в действительности некто, руководивший каждым отдельным убийством? Каждый использовал различные трюки. Ни связи, ни закономерности, и мы так и не смогли выяснить, откуда у каждого из убийц появилась идея использовать трюк с запертой комнатой. Все они настойчиво утверждали, что это просто показалось им хорошей идеей, и у нас не осталось иного выбора, кроме как поверить им на слово. Я прекрасно знаю, что не всегда человеческое мышление имеет чёткое обоснование, и что определенные преступные деяния могут распространяться даже без какого-либо контакта между преступниками.

Но, ни я, ни полиция не поверили словам преступников, мы повсюду разыскивали любой намек на то, что им кто-то помогал. Как мы могли такое упустить? Действительно ли был кто-то, кто заранее отследил убийц и снабдил их планами о трюке запертой комнаты?

Кто-то был. Должен был быть. Пятнашки доказали это.

Но мы поймали всех убийц. Я объяснил им дело, и они сознались, раскрыв свои мотивы и, по сути, сдавшись. Они сотрудничали с полицией, а потом… Всё это представление было лишь для защиты руководителя? Но кто мог внушить такую верность всем пятнадцати убийцам?

Да уж, дело так себе. Мне никак нельзя было начать сомневаться в существовании планировщика преступлений. На протяжении всего расследования мы постоянно придерживались того мнения, что он должен был существовать, но доказательства говорили обратное. В это тяжело было поверить даже сейчас, когда я знал правду. Мне нужно было остановиться. Раз головоломка существовала, то кто-то должен был её придумать.

Нужно было сфокусироваться на расшифровке сообщения, содержащегося в головоломке. Я снова обратился к своей мысленной карте. Простые пятнашки, каждое число сдвинулось на одну клетку от первоначальной позиции. Начиная с пустой клетки, всё, что нужно было сделать, это переместить числа на свои позиции, и головоломка решалась сама собой… Я снова проверил последовательность шагов.

Пустая клетка ← 10 ← 14 ← 13 ← 9 ← 5 ← 1 ← 2 ← 6 ← 7 ← 3 ← 4 ← 8 ← 12 ← 11 ← 15.

Должно быть… это указывает на смену убийц по принципу домино?

Если жертва десятого инцидента была убита четырнадцатым убийцей, а жертва четырнадцатого инцидента убита тринадцатым убийцей… Если убийцы поменялись местами, позволяя тем, кто имел реальные мотивы для убийства, получить алиби на момент смерти жертвы и уйти от подозрений… Был ли в этом смысл?

Но в таком случае ничего не указывало на убийцу, убившего жертву в пятнадцатом инциденте. Если смена убийц по принципу домино закончилась, убийца десятого дела должен был убить жертву пятнадцатого дела, но в головоломке этого показано не было.

Если я всё правильно понял, и смысл головоломки заключается в смене убийц по принципу

домино, то убийца из десятого дела убил бы жертву в незанятой области, в ещё не обнаруженной шестнадцатой запертой комнате, а убийца из пятнадцатого совершил бы убийства и в одиннадцатом, и в пятнадцатом случаях. Настоящий убийца из шестнадцатого случая умыл бы руки… Значит, он один стоял за всем этим?

Нет, нет, нет. Я слишком перестарался с поиском ответа в этой головоломке. Весь смысл обмена убийствами состоял в том, чтобы обеспечить себе железное алиби и уберечь себя от списка подозреваемых. Но во всех пятнадцати случаях убийцы были задержаны, они признали свою вину и предстали перед судом. Кроме еще одного убийцы из гипотетического шестнадцатого случая, что должен занять пустое место. За исключением возможного убийцы из гипотетического шестнадцатого случая, который мог произойти в области пустой клетки, никому это не сошло рук. Если бы они были настолько отчаянными, чтобы, дабы избежать подозрений, пойти на нечто столь рискованное, как смена убийц, то не слишком ли легко их поймали?

Нет, нет, нет, нет, нет, нет. Может эти пятнадцать убийств и произошли за относительно короткий промежуток времени — год, но произошли они не одновременно; они были равномерно распределены по всем двенадцати месяцам. Итак, первая загадка запертой комнаты была раскрыта к тому моменту, когда была обнаружена третья, личность убийцы была опознана. С появлением новых запертых комнат инциденты постоянно расследовали. Для девятого убийцы совершить тринадцатое убийство, как предполагалось в головоломке, было невозможно; к моменту его совершения я уже опознал убийцу из девятого случая, полиция взяла его под стражу, и он оказался за решёткой. По тем же причинам убийца из пятого дела никогда не смог бы убить девятую жертву, а убийца из первого случая не смог бы совершить пятое преступление.

Это могло бы соответствовать модели смены убийц по принципу домино только в том случае, если бы я ошибался в отношении всех убийц, которых поймал, и если бы все подсудимые приняли удар на себя вместо настоящих виновников… Но это было невозможно. Почему? Потому что я был детективом, и если я чувствовал свою правоту, то никогда не ошибался. Эти убийцы были настоящими. Сама теория смены убийц по принципу домино была неверной.

Раз я поймал настоящих убийц, то эти дела можно считать закрытыми. Решенными.

Тогда, если я сосредоточусь не столько на числах, сколько на сущности пятнашек, намереваюсь ли я предположить, что убийства в запертых комнатах происходили не в тех местах, где должны были? Что если десятое убийство должно было произойти на месте пустой клетки, четырнадцатое там, где было обнаружено десятое, и так с каждым последующим? Сработало ли бы это?

Никоим образом, быстро определил я. В местах убийств не было ничего необычного. Из пятнадцати случаев два произошли в туристических достопримечательностях, но остальные произошли в жилищах, принадлежащих убийцам, жертвам или их друзьям. Все трюки были привязаны к вопросам планировки комнат, и для того, чтобы заставить их сработать, не требовалось никаких особых изменений. Трюк, использованный для запирания комнаты в четырнадцатом деле, никогда бы не сработал в комнате из десятого. Невозможно было отделить трюки от комнат, в которых они сработали. Трюк запертой комнаты может быть создан только при учёте обстановки самой комнаты. Расстановка мебели, декор, трещины, через которые можно было бы протянуть верёвку или проволоку — в каждом месте эти особенности различались. Физические возможности убийц в каждом случае были разными, так же как и разными были вовлечённые в преступления люди. Разумеется, что придумать трюк, подходящий для всех пятнадцати мест, было совершенно невозможно.

Нет, это было невозможно. Четыре из пятнадцати случаев произошли в четырёх самых странных зданиях Фукуи, и причудливый характер их строения использовался в качестве важной составляющей трюка. Ни один трюк, включающий перемещение стен и полов или переворачивающегося потолка не мог быть использован где-либо ещё.

Убийства в запертых комнатах были совершены в нужных местах нужными людьми. Каждое из них я раскрыл верно. Так что это была за головоломка? Если предположить, что я всё раскрыл правильно, то её смысл не мог заключаться в том, что правильное решение откроется только лишь при перемещении всех клеток. Должно быть что-то еще, что-то новое.

Пятнадцать загадок запертых комнат не имели никакого значения, и мне пришлось рассмотреть смысл этой головоломки под новым углом. Самое простое решение было верным — так как все номера были сдвинуты, то новое дополнительное пространство оставалось позади.

Человек, стоящий за пятнадцатью загадками запертых комнат, создал новую загадку, которая только что началась.

Значит, я должен был попытаться найти это новое дополнительное пространство. Я поднялся с кровати, оделся, сел на свой велосипед и поехал на север, в сторону Такэфу. Что я искал? Думаю, что-то вроде новой запертой комнаты. Но каждая из границ, что я нашел, покрывала участок в десять квадратных километров. Попытка найти что-нибудь похожее на запертую комнату, бесцельно рассекая по просёлочным дорогам посреди ночи, казалась едва ли результативной… но стоило мне выехать на дорогу 365, попав на окраину Такэфу, как я заметил дом в огне.

Это произошло так внезапно, что я не сразу определил наличие пожара. Тем не менее, я почувствовал странное спокойствие от осознания того, что я должен был найти это место, что оно было подготовлено для меня. Мне нужно было только лишь его осмотреть.

Горящий фермерский дом принадлежал семье Като, живущей в Ниси Акацуки. Родители Като Сэрики недавно умерли, и сейчас она должна была приехать сюда, чтобы разобраться с их опустелым домом.

Неистово подъезжая поближе, я заметил её стоящей на улице со своим мужем Сатоси и их четырёхлетним сыном Сэсиру, отстранённо уставившимися на огонь.

— Вы не пострадали? — спросил я.

Когда Сэрика и Сатоси не сумели ответить, заговорил Сэсиру:

— В доме бассейн, и в нём плавает незнакомец!

? Что, чёрт возьми, это значит? Я посмотрел в окно горящего дома, и Сэсиру оказался прав; дом был заполнен водой, и водяные струи вырывались из всех щелей. Вода перемещалась по дому со скоростью водоворота, и, похоже, Сатоси закрыл входную дверь, чтобы защитить свою семью от несущейся по течению мебели. Раскрыв рот от удивления, я увидел человеческую фигуру, промелькнувшую за окнами второго этажа. Но не похоже, чтобы она плыла в мою сторону.

Был ли этот человек мёртв?

Была ли эта очередная загадка запертой комнаты?

Я вновь попытался задать вопрос семье Като:

— Как это произошло?

— Не знаю, — сказала Сэрика. — Мы… ужинали, как вдруг вода начала течь вниз по лестнице. Мы выбежали из дома, и… он просто загорелся.

— Она текла сверху? Вода? У вас там была цистерна? — я посмотрел на дом, но он выглядел как обычное здание, без каких-либо схожестей с водонапорной башней.

— Нет, нет, — сказал Сатоси. — Вода тоже необычная. Это морская вода.

— Морская вода?

— Из моря. Она, вроде, солёная.

— Да, конечно, эта вода солёная. От неё пахло солью, — сказала Сэрика. Сэсиру посмеялся и кивнул.

Безусловно, она пахла морем. Но мы находились в добрых сорока километрах от океана, а на пути стояло несколько горных цепей. Как, чёрт возьми, столько солёной воды могло внезапно появиться на втором этаже?

В любом случае, внутри определённо кто-то был, и скоро здесь будет место преступления. Я бы хотел сохранить это место в наилучшем виде, но это было не так-то просто, ведь дом горел и всё такое. Я снова посмотрел на окно второго этажа и увидел, как молодой парень цепляется за него и смотрит на нас сверху вниз. Его волосы бились в потоке и закрывали ему глаза, но на мгновение наши взгляды пересеклись.

Я уж было предположил, что он мёртв. Но, думаю, это не так.

— Ладно, ребята, вам лучше отойти назад, — крикнул я и побежал к ближайшему окну. Под весом воды и огнём стены были готовы разорваться… Этому бассейну недолго осталось в этом мире. Было ли у меня время? Я разбил стекло на ближайшем окне первого этажа. Образовалась трещина, и из неё вырвалась вода, пронося осколки стекла и куски разломанной оконной рамы мимо меня. Жжаааааxx! Я еле-еле успел увернуться вовремя и быстро разбил другое окно. Брызги на моём лице подтвердили, что дом был заполнен солёной водой. Но сейчас не время было размышлять над этой загадкой. Я подошёл к входной двери, положил руку на ручку, но прежде чем я смог её открыть, петли не выдержали, и волна воды вырвалась наружу, сметая меня и дверь прочь. Поток воды с шумом вылился на газон, а когда он утих, я обнаружил возле себя лежащего и откашливающего воду парня.

— Perdón, — сказал он. — ¿Qué pasó? ¿Dónde estoy?[2]

Испанский. Может этот парень и промок, но он походил на японца. Он был очень красив, но на вид был одного со мной возраста.

— Я точно в Японии? Что вообще происходит? — ответил я.

— О! Японец! — сказал он по-японски.

Позади него раздался оглушительный грохот, и усадьба Като превратилась в груду мокрых кирпичей. Хотя бы огонь погас!

Раздался ещё один грохот — гроза. Я поднял глаза, а тучи кружились, покрывая всё небо. Я увидел нечто похожее на дымоход, уходящий назад в небо. В темноте было трудно разобрать, но… Это было торнадо?

Вот только, обычно торнадо утаскивали вещи с земли, а не сбрасывали их вниз. Да и сделать такой точечный удар по резиденции Като именно этой ночью, в точное время, без каких-либо иных повреждений…

У меня не было иного выбора, кроме как смириться с этим фактом. Это торнадо принесло сюда этого парня. Откуда-то, где говорят на испанском.

— Ты в порядке? — спросил я.

Он убрал мокрые волосы с век и взглянул на меня.

— Сложный вопрос. Во всяком случае, я не пострадал. Какое сегодня число?

— Двадцать третье июля.

— Хорошо, день тот же… но я был на корабле, когда мы только увидели побережье Флориды.

?

— Флорида?

— Между Атлантикой и Мексиканским заливом.

— …? Что за Атлантика? Я никогда не слышал об этом заливе.

— А? Атлантика… это океан.

— …Извини, но такого нет.

— …? О чём ты?

— Есть только один океан. Океан.

— …Нет, это… хм? Это… где, в Японии?

— Префектура Фукуи. Ниси Акацуки.

— Хм? Значит, я дома. Как?..

— Что, ты из Ниси Акацуки? Я тоже! Сколько тебе лет? Мне пятнадцать, в этом году будет шестнадцать.

— Мне столько же. Меня зовут Като Цукумодзюку. Вот мой адрес — Ниси Акацуки-чо Ниси Акацуки 3-21.

Странное имя, но удивился я по совершенно иной причине. Я повернулся к семье Като, стоящей у ворот:

— Он ваш родственник?

Адрес, который он дал, был пустующим домом, в котором жили родители Сэрики. Семья Като не ответила. Они лишь с ужасом уставились на остатки дома, который построили несколько лет назад.

Я обратно повернулся к Цукумодзюку:

— Твоё имя пишется как 9-10-9-10-9, так значит?

— Ах, диалект Фукуи… да, это так.

— Твоё появление было довольно странным. Что ты помнишь?

— Ну… я находился на судне, пересекая Атлантический океан от Канарских островов до Америки.

— Канарских островов?

— Никогда о них не слышал? Небольшие острова у побережья Африки, принадлежащие Испании.

— Хорошо… а Атлантический океан?

— …Атлантический океан лежит между Северной и Южной Америкой с одной стороны и Европой и Африкой с другой. Правильно же?

— Нет. О чём ты говоришь? Америка и Африка?

— …а какие у тебя есть континенты?

— Панландия.

— …не похоже на проблему в образовании, — сказал он.

Я кивнул.

— Я очень хорошо образован, — сказал я. Он бросил на меня сомнительный взгляд, и я добавил. — В конце концов, я — детектив.

Его глаза широко раскрылись, затем он улыбнулся.

— О. Я тоже.

— Да? Ты издеваешься? Великий детектив Като Цукумодзюку? Никогда о тебе не слышал, и, кажется, не потому, что ты работал за границей.

— Верно.

— Тогда мне лучше представиться. Меня зовут Джордж Джостар. Все зовут меня Джоджо. Детектив Джоджо. Добро пожаловать в новый мир, где Атлантики и Канарских островов не существует.

Цукумодзюку на секунду изумлённо уставился на меня.

— Что за игру затеял Потусторонний? — наконец спросил он, — Какую роль он уготовил мне?

Его слова были какой-то бессмыслицей, но, казалось, он разговаривал сам с собой, так что я оставил их без внимания. Понятия не имею, откуда он здесь взялся, но торнадо в том месте безумно странные. Не похоже, чтобы там можно было бы просто встать и пойти, куда тебе угодно. Его слова, вероятно, были своего рода религиозным бормотанием, с этим я ничего не мог поделать.

Его появление было настолько странным, что мне больше не было чему удивляться, но к тому времени, как он должен был пройти обследование в больнице, Цукумодзюку сразу обомлел от удивления и схватился за голову.

Во-первых, хоть на дворе действительно было двадцать третье июля, сейчас был 2012 год, а не 1904. Он прошёл путешествие во времени более чем через сто лет.

Мы быстро принялись сравнивать карты мира… конечно, не было таких карт мира, какую описывал Цукумодзюку, а потому он должен был нарисовать её от руки.

Он создал очень детальный набросок очень странного мира.

Его мир выглядел разломанным.

Я показал ему наш вариант, и он сказал:

— Это… это невозможно.

Я был того же мнения.

Так как больше Цукумодзюку ничего не добавил, я сказал:

— Никоим образом земля не могла так сдвинуться за сотню лет.

Сдвиг материков составляет всего несколько миллиметров в год, и это на активной стороне. Для того, чтобы мир Цукумодзюку преобразовался в мой мир, потребовалось бы сотни миллионов лет. Континенты движутся на плитах, образуют гигантский континент, распадаются и снова сближаются. Тектоника плит показывает, что это, произойдя однажды, произойдёт и вновь. Даже если его континенты соединились бы вместе, чтобы образовать мой мир, это заняло бы вечность.

Но мне не кажется, что эти изменения произошли не настолько легко. Все материки были перемешаны местами. Чтобы сдвинуться настолько далеко, они должны бы были сдвигаться и

раздвигаться в течении миллиардов лет — дольше, чем существует жизнь на Земле. С момента появления первых людей прошло около ста миллионов лет, так что если Цукумодзюку с той же планеты, что и я, ему пришлось бы пройти во времени через несколько материковых делений, однако для человека, пришедшего миллиард лет назад, его одежда, манеры и японский были слишком похожи на наши. Мне кажется, разница между нами могла быть не более ста лет.

Я был вполне уверен, что единственное возможное этому объяснению включает теорию параллельных вселенных. Звучит смешно! Однако, это доказывает, что параллельные вселенные не только существуют, но и то, что между ними возможно перемещаться! Ха-ха-ха!

Пока я был погружён в себя, Цукумоджуку сидел на больничной койке, внимательно сравнивал две карты и бормотал о том, как удивлён местоположению одних мест, и как сбит с толку местоположение других.

— Хочу сказать, — хоть что-то промолвил он, — что я нигде не могу увидеть Англию.

— Англия – это страна-призрак, её нет ни на одной карте, — ответил я. Это было самоуничижительное описание, которое использовали все англичане.

Группа англосаксов, живших в штате Мэн в девятнадцатом веке, провозгласила независимость, назвав себя Королевством Англии. Они даже вели за это войну. Американское правительство никогда официально его не признавало, но некоторые страны признали… затем только, чтобы Королевство рухнуло изнутри и быстро было поглощено Соединёнными Штатами. Потеряв своё государство, англичане рассеялись по всему миру. Было много семей, подобных Джостарам, которые вымерли бы, если бы не приспособились.

— Ох, — серьёзно сказал Цукумодзюку. — Что ж, в любом случае, у меня есть теория о том, как я попал в этот мир.

Э-э-э-э-э!? Уже?!

— А ты и впрямь детектив! — сказал я. Я привык слышать это, но никогда не говорил такого сам. Честно говоря, я был слегка расстроен, ведь у меня ещё не было достаточно данных для составления своей теории.

— Это всего лишь теория. У меня нет никаких доказательств, — сказал он и указал на нарисованную им карту. — Я направлялся сюда, к южному краю Флориды. Если соединить Флориду, этот остров, Пуэрто-Рико, а затем и эти острова, Бермудские, мы получим треугольную область океана. Легенда гласит, что многие корабли, пересекая эту область, полностью исчезают — иногда исчезают только пассажиры, а корабли оказываются пустыми. Мы называем её Бермудский треугольник. Как я уже сказал, перед тем как потерять сознание я смотрел с палубы на побережье Флориды, а затем спустился в свою каюту, чтобы забрать багаж. Судно направлялось на север, прямо через эту точку на треугольнике. Итак, этот район Флориды расположен на координатах 25° северной широты, 81° западной долготы… именно в этом месте находится Япония в этом мире.

«Ооо», — подумал я и сам присмотрелся к картам. Даже по нарисованной от руки карте было ясно, что две точки перекрываются. Затем я кое-что заметил и взволнованно ответил:

— Если эта теория верна, то в принципе мы знаем, как вернуть тебя обратно.

Так как Цукумодзюку ещё не совсем понимал своё местоположение в этом мире, я указал ему на карту.

— Видишь залив в центре Панландии между полуостровом и кучкой островов? Это — Флорида, Пуэрто-Рико и Бермудские острова, расположенные друг на друге, так? Бермудский треугольник — это, по большому счёту, Бермудская точка. И, согласно твоей карте, в твоём мире она лежит прямо в Ниси Акацуки.

— Правда?

— Ха-ха-ха! Это твой прямой указатель на путь домой, разве нет?

— Да… Но… Это немного жутковато, не правда ли? Будто кто-то заставил это произойти. Будто меня вызвали…

Я согласился:

— Не «будто», а кто-то явно сделал это.

— …?!

— Конечно, это жутко, но я верну тебя обратно. Мне аж до безумия интересно, что с тобой происходит.

— Но не я здесь цель, — многозначительно сказал Цукумодзюку, — а ты.

Э?

— Что? Я больше похож на невинного наблюдателя, который просто запутался во всей этой мешанине.

— Но это не так. Почему ты был там этой ночью? Как ты меня нашёл?

Хороший вопрос. Я объяснил, как два года назад раскрыл пятнадцать убийств в запертых комнатах, затем нашёл загадку с пятнашками, ускользнувшую от меня в то время, разгадал её и взмыл по маршруту 365, чтобы подтвердить свой ответ. Нужно признать, что он может быть прав. Меня привели прямо к нему.

— …Думаю, никто из нас не оказался там случайно.

— Не только это. Ты сказал, что два года назад раскрыл пятнадцать убийств в запертых комнатах. В своём мире я совершил то же самое.

— А? Как?

— На Канарских островах, на острове Пальма. Уверен, детали дел различаются, но…

Мы вдвоём сравнили заметки по основным пунктам каждого набора пятнадцати дел. Они были абсолютно разными, конечно. Невозможно было отделить трюки от комнат, в которых они сработали. Трюк запертой комнаты может быть создан только при учёте обстановки самой

комнаты. Одни и те же трюки не могли сработать в разных странах в разное время. Но порядок раскрытия дел у Цукумодзюку был идентичен моему; и сформированные им пятнашки у нас так же совпадали.

— Я никогда не замечал, — мрачно сказал Цукумодзюку.

— Я и сам то обратил на это внимание всего час назад. Готов поспорить, скоро я с ними бы разобрался.

Он посмотрел на меня.

— Ты когда-нибудь работал с другим детективом?

— Нет. В Фукуи живёт всего около 800 000 человек. В стране происходит куча дел, и я не единственный детектив в округе, однако мне никогда не приходилось встречаться с кем-либо из них при работе. Думаю, услышав, что кто-то принялся за работу, все начинают держаться от этого дела подальше. Хотя, я слышал, что такое случается с детективами из Токио или Осаки.

— А я даже и не встречал других детективов. Канарские острова были заселены далеко не густо. Так позволь задать вопрос: если делом занимаются несколько детективов, и один из них раскрывает дело раньше, чем второй, можно ли считать более медленного детективом?

Тьфу. Что за хрень? То, что я решил пятнашки первее, не значит, что ему надо из-за этого сердиться. Его дело произошло сто лет назад – может быть – у нас здесь была не гонка.

— Зависит от следующего дела, — ответил я наконец. — Если в следующий раз медленный детектив окажется первее, они квиты, — честно говоря, я просто пытался заставить его почуствовать себя лучше.

Он вообще на это не купился.

— Детектив – не звание, заработанное в течении жизни. Ты не оглядываешься назад на свои дела, осознавая себя детективом. Ты знаешь, что это так, и ведешь себя соответственно.

— Верно замечено.

— Если ты не можешь раскрыть дело – ты не детектив.

— Хмм… ну да, в такой момент некоторые могут назвать тебя некомпетентным.

— Детектив, в том смысле, в каком мы его используем – почётное звание. Стоит людям начать его отрицать, как ты перестаёшь иметь на него право.

— Но в следующий раз у тебя есть шанс его вернуть.

— Ты снова размышляешь с точки зрения всего жизненного пути. Невозможно всю свою жизнь оставаться детективом. В каждом отдельном случае ты работаешь одинаково.

— … — ну его нахрен. — Хорошо, хорошо, так ты больше не чувствуешь себя детективом? Сделай свою работу лучше на следующий раз.

— В последнее время я никак не могу поверить, что являюсь детективом. Даже на Канарских островах, я не был уверен, почему… почему я могу продолжать вести себя как детектив, несмотря на это. Всё это никогда не казалось мне правдой.

— ? Не знаю, к чему ты клонишь, но если ты раскрыл дела, то ты – детектив. Может я и разгадал пятнашки первее, но всё-таки ты раскрыл пятнадцать дел, верно? Ты выполнил свою работу.

— Если бы кто-то раскрыл дело первее тебя, называл ли бы ты себя дальше детективом?

— …Может, я держал бы это в тайне до следующего раза, да.

— Следующего раза не будет, — сказал Цукумодзюку. — Я больше никогда не назову себя детективом. Только не теперь, когда я встретил тебя.

— ?

— Ты, Джордж Джостар, украл моё звание.

— Что за херню ты несёшь?

Я наконец оступился и выругался перед ним, но он, похоже, ничего не имел против. Он даже засмеялся.

— Немало времени прошло с тех пор, как Джордж говорил так со мной.

Что?

— У тебя воспоминания спутались или…

— Моя память и разум ясны, Джордж Джостар. Могу уверенно сказать, что мой разум и сознание свободны от беспорядочных мыслей как никогда прежде. Может, моя роль детектива и завершилась, но я верю, что мне дали новую. Я здесь, чтобы объяснить тебе сущность Потустороннего.

Что за игру затеял Потусторонний? Ещё тогда он прошептал это. Я сразу понял, что ничего не хочу об этом слышать, но мне всё равно нужно было внимательно его послушать.

— В моём мире, — сказал Цукумодзюку, — есть ещё один Джордж Джостар.

Что? ♡ Правда!? ♡♡♡ Это начинает доставлять мне удовольствие! ♡♡♡♡♡

Он рассказал мне о другом Джордже Джостаре. Историю о затравленном ребёнке, который подружился с детективом и прошёл через приключения на островах южных морей, которых не существовало в нашем мире. Но пятнадцатью убийствами в запертых комнатах эти случаи не ограничивались. Три дела серийных убийц, раскрытые мною в прошлом году, также были раскрыты три года назад Цукумодзюку и его напарником, Джорджем Джостаром. Точно так же они поймали психов, удивительно похожих на Гуругуру Мадзина и Маникюрщика из прошлого года.

Была ли это синхронность событий? Или же история повторяет саму себя?

Прежде чем я смог подумать о чём-либо дальше, Цукумодзюку сказал:

— И в этом году мы с Джорджем поймали истинного руководителя всех пятнадцати убийств в запертых комнатах. Человека, изобретшего все трюки и контролировавшего убийц из тени.

Аааааа? Погодите, погодите, погодите.

— Стоп! — закричал я. — Я ещё не дошёл до этого, дай мне самому додуматься!

Цукумодзюку отпрянул от моей внезапной дикости.

— Это не так уж и сложно, — сказал он.

— Ты хочешь украсть у меня роль детектива обратно?

— Я не намерен этого делать, и я сомневаюсь, что это вообще возможно.

Я проигнорировал его и начал неистово размышлять.

Так существовал ли руководитель? Очевидно, в этом есть смысл, конечно же он существовал. Все пятнадцать убийств в запертых комнатах произошли подряд, все в Фукуи, все в Рэйхоку. Но, как я говорил ранее, полиция и я подозревали, что в тени скрывался планировщик/руководитель, который не оставил в наших поисках и камня на камне. Мы что-то упустили? Я так не думаю. Уверен, мы исследовали всё досконально. Не было никакого рода связей между кем-либо, кто имел отношение к какому-либо из пятнадцати дел. Полиция и криминалисты тщательно проработали на каждой деталью; мы даже пробовали гипноз и все оккультные техники, до которых смогли додуматься – безрезультатно. Мы пробовали даже куклы вуду.

Я не ошибся.

Эти пятнадцать убийств в запертых комнатах окончились вызовом другого детектива из загадочной альтернативной вселенной. Я был так уверен, что каждый из пятнадцати случаев был независимым, даже несмотря на то, что они привели меня, по совпадению или иным образом, к тому, что ужасно казалось мне магическим феноменом.

Но, возможно, это и было моей ошибкой. Я, определённо, ничего не упустил из виду; я осмотрел каждую деталь. Даже сейчас я чувствовал себя спокойно, исключив возможность такого варианта.

Значит, если я ничего не упустил, то по логике должно быть что-то ещё, чего я до сих пор не видел.

Человек, изобретший все трюки и контролировавший убийц из тени. Раз некто подобный стоял за делами и в моём мире, то тень этого руководителя должна была коснуться каждого из пятнадцати убийц. Но это было невозможно. Одно из дел произошло внутри тюрьмы, где убийца отбывал пожизненное заключение с ограниченным правом на посещения. И мы тщательно проверили каждого посетителя. Другое дело запертой комнаты затронуло замкнутого в себе сына, который убил своего отца; сын не разговаривал ни с кем, кроме как

непосредственно со своей семьёй, а также мы не зафиксировали у него следов каких-либо подозрительных контактов в Интернете.

Это серый кардинал не мог существовать физически.

Другими словами, он должен был существовать в какой-то нефизической форме.

Эта идея была не такой уж и неожиданной. Мы уже давно рассмотрели ряд оккультных теорий и тщательно их испытали. Оккультизм мы опробовали. Так что же ещё это могло быть?

Где они встретились?

Где они могли встретиться, не встречаясь?

— Сны, — сказал я. — Или видения, — я разговаривал не с Цукумодзюку. Я просто размышлял вслух. И продолжал это делать. — Нет, не видения… это просто мысли, их невозможно контролировать. Только если тебе не показалось, что тебя контролируют. Но это всё равно означает, что трюки с запертыми комнатами они придумали сами. Должно быть, это были сны.

На все ли сто процентов сны производимы нашим сознанием?

В эту секунду я заметил, как Цукумодзюку уставился на меня. Наполовину поражённый, наполовину впечатлённый. Из этого я сделал вывод, что, должно быть, я прав, но как такое могло быть? Сны?

Думаю, эта идея принадлежала мне. Мечты, значит. Мог ли этот командир из теней манипулировать убийцами через их сновидения?

— Все убийцы в моём мире встретили во сне клоуна, именующего себя Маэстро запертых комнат, — сказал Цукумодзюку. — Он навязал им планы убийств. Поскольку все забывают свои сны, все они решили, что сами придумали свои трюки.

Он смотрел «Начало» или что? Но это же фильм, при чём фантастический, и в реальности невозможно заскочить в чужой сон. Скорее всего, я выглядел скептиком, но Цукумодзюку продолжал вести разоблачение.

— Этот так называемый Маэстро запертых комнат носил клоунскую одежду и грим и появлялся во снах убийц, добираясь до их сердец и выводя на свет мрачнейшие чувства их душ. Этот этап был не слишком сложен. Всё, что ему нужно было сделать – это найти человека, к которому они испытывали ненависть, с кем им трудно было ладить или просто того, с кем у них были трудности в общении, даже обычная неприязнь. Лишь обнаружив такие эмоции, Маэстро Запертых Комнат появлялся в их снах и сваливал все их проблемы на одного человека. Никто не мог избежать своего ночного кошмара. Маэстро запертых комнат извращал их страх, навязывая мысль, будто будущие жертвы являлись источником всех их бед. Не важно, каким образом навязана причина, логике и причинно-следственной связи нет места во сне; значим лишь эмоциональный отклик. Как только был заложен фундамент, помешанность убийц создавала им ещё более ужасные кошмары. Маэстро крепко захватывал над ними контроль, вбивая мысль, что во всём виноваты жертвы, и у его целей не оставалось иного выбора, кроме

как поверить ему. В своих снах убийцы видели себя убитыми или будущими жертвами, или самим Маэстро. Эти сны были так ужасны, что они каждый раз просыпались в нервном припадке, и это продолжалось до тех пор, пока реальный мир не стал для них сном. Физически с ними всё было в порядке, но это лишь усугубляло дело. Всё своё время они находились в состоянии паники, не помня снов, которые её вызывали, поэтому неизбежно и без явной на то причины в них копилось отчаяние. В конце концов люди, которых они никогда не мечтали убить, становились для них обязательной целью убийства, и они начинали действовать. Однако Маэстро запертых комнат никогда не встречался с ними лично; он держался от них на расстоянии, оставаясь незамеченным в их снах. Единственное, почему нам удалось найти злобного клоуна, так это потому, что у девушки, на которую он нацелился, был патологический страх перед клоунами. Облик Маэстро был так ужасен, что она чётко запомнила сон, рассказала окружающим об ужасном клоуне, который постоянно появляется в её снах и нашёптывает об убийствах в запертой комнате, и это, в свою очередь, привлекло наше внимание. Ни один человек, с кем она говорила, не поверил ни единому её слову, но только не мы. Мы пересказали это всем пятнадцати убийцам, и они стали вспоминать. Из всех их воспоминаний нам удалось собрать его сущность воедино. Помимо красного носа и пышного парика на нём был только грим. Также нам удалось составить его примерный портрет. Кроме того во снах он иногда рассказывал о себе; он был предельно уверен, что никто ничего не запомнит, и обронил пару деталей, которые и позволили нам его опознать. Думаю, после пятнадцати успешных убийств под дистанционным контролем, в его самоуверенности нет ничего удивительного. К тому же он был молод. Ещё школьником в будущем он хотел стать загадочным романистом. Тем не менее, он обладал способностью перемещаться в сны людей. Когда мы в сопровождении полиции ворвались в его дом, мы нашли клоунскую одежду и грим; мы предполагаем, что он приобрёл их для придания эффекта реальности. Также мы нашли дневники, заполненные записями о трюках. Но только не романами. Видимо, для карьеры писателя у него не было необходимых качеств.

— Чёрт, ты смог поймать парня, но не можешь доказать его вину, — сказал я. — Тебе никак не удастся доказать наличие у него способности входить в сны, и даже если он её продемонстрирует, никто этого не вспомнит.

— …не было никакого судебного разбирательства. Полиция Ла-Пальмы избила его своими дубинками и ночью выкинула его тело в море. Мы с Джорджем были не в силах их остановить, а его мать даже не пыталась. Если бы разошлись слухи, что её сын – колдун, то вмешалась бы церковь и вся её семья подверглась бы преследованиям.

Чёрт возьми. Провинциальная жизнь сто лет назад явно была сурова.

— Если ты не возражаешь, я отклонюсь от темы, — начал он. Я остановил его.

— Стой, прости, дай мне проверить, есть ли какие-либо связи между снами убийц из моего мира.

Я достал телефон, позвонил Сираю Масами в полицейский участок Фукуи и попросил его допросить убийц об их снах, используя при необходимости гипноз.

— Сны? Снова ты лезешь со своими странными идеями, Джордж. — сказал он, однако я всё равно знал, что он это сделает.

Я повесил трубку.

— Это современный телефон? — спросил Цукумодзюку. — Такой маленький, без провода, и за этой стеклянной панелью движутся маленькие картинки.

Неожиданно, конечно, но он и впрямь всё это испытывал. Впрочем у нас не было времени, чтобы остановиться и обсудить столкновение двух культур.

— Слушай, если мы заведём разговор об этой теме, это никогда не закончится. Америка вот-вот высадит человека на Марс.

— …да, оставим это на другой раз, — сказал Цукумодзюку. — Вернёмся к вопросу… или, скорее, его теме.

Я не был уверен, в чём состоял основной вопрос, но я позволил ему продолжить.

— Честно говоря, я не думаю, что Хавьер Кортез, настоящий убийца, родился со способностью проникать в сны. Причиной его проблем стала его мать, Леонора Кортез. Как раз перед тем, как с ним разобрались копы, он признался во всём Джорджу. Он спросил его: «Знаешь, почему я всегда работал с запертыми комнатами?» Джордж помотал головой. «Потому что все смерти происходят в запертых комнатах. Я проскользнул в сновидения немалого количества человек и убедил их убить кого-нибудь в запертой комнате, но тот, чей я смерти я желал по настоящем, тот, кого я действительно хотел убить… был я. Во время сна я был заперт в одной комнате с матерью». Когда Джордж повторил мне его слова, я наконец задался вопросом, которым должен был задаться… тогда, когда у меня уже был ответ. Иначе говоря, почему Хавьер провёл так много времени во снах? Нужно немало времени для того, чтобы так припереть человека к стенке, чтобы тот совершил убийство в запертой комнате. Хавьер работал с пятнадцатью убийцами не по одиночке. Не думаю, что он обработал их всех сразу, но он всегда работал с несколькими одновременно. И это только те, с кем он преуспел; должны были найтись и менее восприимчивые цели. Он странствовал через все их сны, появляясь даже во время дневного сна, если кто-то был слишком напуган для сна ночью. Значит, Хавьер также спал и весь день. Выходит нездоровое количество сна. Почему Хавьер провёл так много времени во сне? «Во время сна я был заперт в одной комнате с матерью». Запертый в одной комнате с Леонорой, он спал, сбегая в сны других людей, в надежде, что кто-то его убьёт. Чем вызван такой гнев и отвращение к себе? Почему нахождение в одной запертой комнате с матерью побудило его спать и разжигать свою ненависть во снах незнакомцев? Что же делала в той комнате его мать, что вызвало у него такую ненависть?

Это были риторические вопросы.

Я знал ответ. Не было необходимости говорить об этом.

— Полагаю, не обошлось без какого-то вида насилия, — сказал он. — Желание убить себя – это желание заставить свою плоть исчезнуть. Сон и побег в сновидения были способами сбежать от собственной плоти, пока он был заперт в комнате с ней. Что бы ни происходило с его плотью, это было настолько ужасно, что ему приходилось сбегать от этого. Это подразумевает, что насилие, вероятно, имело сексуальный характер. Но мы никогда не узнаем правду. Хавьер был убит, а Леонора покончила с собой до того, как её муж-моряк, Хуан Ровира, вернулся домой. Его семьи не стало, и он вкратце поговорил с Джорджем. Что бы это ни было, это происходило в течение более чем десяти лет. Хуана подолгу не бывало дома, он был тем ещё бабником. Когда Хавьер был молод, Хуан часто доводил Леонору до слёз, но в какой-то момент её плач прекратился. «У меня есть Хавьер», — сказала она. Хуан видел, как мальчик

успокаивает её во время плача, и потому он решил, что она со всем справилась, отбросив мысли о этом в сторону. Конечно же он заметил, как она была без ума от мальчика, но для него это значило лишь уменьшение числа раздоров, и он был спокоен. В этом смысле корень всех проблем лежал в Хуане Ровире Кортезе. Один человек причинял боль другому, другой, в свою очередь, причинял боль третьему, а тот развил в себе странную силу, которая позволила ему причинить вред нескольким незнакомцам, и тогда эти незнакомцы создали запертые комнаты и убили в них людей.

Основная схема, лежащая в основе многих мировых проблем.

— Такова реальность, сети страданий окружают нас повсюду, но, по моему мнению, сила Хавьера Кортеза проникать в сны была рождена страданиями, нанесёнными ему его матерью. Это всего лишь гипотеза, но я начинаю верить в то, что постоянно повсторяющиеся страдания могут привести к развитию необычных способностей, которые помогают мученику избежать мучений.

А? Какой парадокс. Далее Цукумодзюку пояснил мне случай, который привёл его к дружбе с другим Джорджем Джостаром. Это был ещё один случай жестокого обращения с детьми со стороны безумной матери. Бедный Антонио Торрес, мать каждый год, начиная с детства, сдирала с него кожу, и с исполнением десяти лет у него появилась способность сбрасывать с себя один раз в год всю кожу.

— Тьфу, это отвратительно!

— Но всё же случаи удивительно похожи, не правда ли? Повторяющиеся страдания, сверхъестественные способности. Ни один нормальный человек не сбрасывает свою кожу.

— Я тебя понял, но… могу я задать тебе вопрос?

— Конечно.

— Это может быть слегка грубо.

— Обещаю не обижаться.

— Может, это мир, из которого ты пришёл, такой долбанутый. Может, такие вещи случаются только в нём.

— Хм… на данный момент у меня нет никаких оснований отрицать такую возможность.

— Я в том смысле, что никогда не слышал ничего подобного.

— Я тоже никогда ничего подобного не слышал до встречи с Джорджем. И в описании этого феномена я могу опираться лишь на эти два случая.

— Видишь? Извини, но я думаю, что это ваш мир такой странный. Здесь же всё нормально.

— Думаю, и в твоём мире есть немало странных вещей, но, возможно, законы, по которым они происходят, просто-напросто отличаются от моего.

— Ух, эта взаимосвязь начинает пугать меня всё больше и больше. Видеть некоторые из этих вещей в своём воображении мне совсем бы не хотелось.

— Если так подумать, то у меня есть с собой Антонио Торрес 1900-го года – его кожа в моём багаже… он прибыл сюда со мной? Перед тем как потерять сознание я занимался сбором вещей, и я уверен, что в тот момент у меня была с собой трубка, она была перекинута через плечо.

— Иисусе! Я правда не хочу этого видеть, но, думаю, могли бы мы спросить семью Като? Этому дому конец, но, может быть, они нашли что-нибудь в руинах.

— Да… но это не так важно. Если они найдут её, то мне хотелось бы заполучить её обратно, конечно. Клоунский нос и парик Хавьера были в другом сундуке.

— Чёрт.

— Ха. В любом случае, достаточно и этих взаимосвязей. Есть ещё одна вещь, которую я реально должен сделать; кое-что, что тебе нужно услышать.

— Об этом другом Джордже Джостаре?

— Нет, о тебе.

— Да?

Обо мне?

О чём это он? Что он мог знать обо мне?

— Ты называешь себя детективом, так что много времени на понимание у тебя не уйдёт. Ты никогда не задумывался, почему ты способен решать сложные дела и проблемы, на решение которых никто не способен. Тебе никогда не казалось странным, что ты всегда добираешься до истины? Когда ты находишь ключ к разгадке в книге, которую только начал читать, или у тебя возникает идея, вызванная разговором, случившимся у тебя с совершенно незнакомым человеком, или когда преступник, близкий к тому, чтобы окончательно скрыться, внезапно совершает глупейшую ошибку. Задумывался ли ты о том, что слишком много совпадений было в твою пользу? Будто сам Бог присматривал за тобой?

— А? Намёк я понял, но не в этом ли суть работы детектива? Удача — часть мастерства.

— Но люди склонны к неудачам, Джордж Джостар. Все совершают ошибки… При обычных обстоятельствах.

— Я всё время совершаю ошибки.

— Но, в конце концов, ты оказываешься прав.

— Да, но ради этого я из кожи вон лезу.

— Усердная работа не всегда приносит результаты. Как правило.

— Правило, шмавило, когда кто-то делает всё правильно, ты не стоишь возле него в надежде, что он облажается. О чём ты хочешь сказать? Что мне стоит поубавить уверенности в том, что я – детектив?

— Нет, совсем напротив. Нет никаких причин сомневаться в себе или в том, что ты – детектив. Но тебе стоит знать, что ты получаешь преимущественное внимание со стороны не

подтверждённого бога.

— …чего? Мне ему за это спасибо сказать или что?

— Нет. Я называю этого бога «Потусторонним» – и я уверен, он связал тебя с другим Джорджем не без причины, ради какой-то высшей цели. Должно быть, это сила Потустороннего послала меня сюда.

— И это не потому, что я решил пятнашки?

— Ты это сделал. Но подумай об этом под другим углом: Потусторонний направил тебя по этому пути и вызвал сюда меня. Понимаешь? То, что представляет большинство людей, слыша слово «бог», является чем-то всесильным, что никогда не объясняет свою сущность людям, которое, как кажется, действует произвольным образом. Иррационально, без какой-либо логики. Но не в этом случае. Бог, которого я зову Потусторонним, подготовил эти пятнашки для тебя. Я убеждён, что для этого у него была некая причина. Ты — детектив, и в какой-то степени мир становится для тебя предсказуемым. Господи, как детективу, мне уже надоело объяснять людям, что раз я здесь, то всё имеет значение. Так же, как и присутствие детектива в мистическом романе. В каком-то смысле Потусторонний – загадочный писатель. Потусторонний пишет мистисчекий роман, в котором ты – детектив. И ты должен знать этот факт.

Хмм… Я достаточно хорошо понял его позицию, но…

— Но зачем мне это знать?

— Я сказал тебе. Потому что существует ещё один Джордж Джостар.

— И что?

— Ты сказал, что никогда не работал над делом в одно время с другим детективом. Но ты же читал мистические романы, где такое происходило?

— Читал ли? — в последнее время их было много. — Ну и?

— Два детектива, одна истина. Если есть два детектива, оба должны прийти к одной и той же истине. Но так ли происходит в романах вашего мира?

— В большей части романов с двумя детективами один раскрывает дело, в то время как другой обнаруживает настоящую разгадку, скрытую за ним.

— В таком случае, оба ли они всё ещё детективы?

— Хмм… к ним относятся, как к детективам, но, разумеется, в этом романе лишь поледний является настоящим детективом. Хотя в следующем романе они могут поменяться местами.

— Если это цикл романов. Но я говорю не с точки зрения всей жизни, а с точки зрения конкретного дела. Всего один том. Без следующего раза. Ты – один из двух детективов. Твоя жизнь покажет, настоящий ли ты или притворщик.

Чёрт, этот красавчик и впрямь выставляет всё как гигантскую занозу в заднице. Мне надоело слушать, как он читает мне лекции.

— Ладно, буду притворщиком, плевать. Твой дружок, этот другой Джордж Джостар, он может

быть настоящим, круто. Ха-ха-ха. Это не изменит того, какой я есть. С чего я должен волноваться? Можно подумать, быть детективом – единственная работа, которую я могу выполнять. Есть предостаточно других детективов, которые могут выполнить за меня эту работу, и я с радостью готов им её оставить.

Я говорил серьёзно. Убийства и дела убийц были чертовски жуткими. По-настоящему опасными. Разгадка трюков была мукой, а последние повороты в развитии действий выводили меня из себя, и я никогда не отвлекался на похвалу и благодарности… Чёрт, эти мысли всерьёз заставили меня задуматься о том, почему я вообще детектив. Плевать. Я делал это, потому что был рядом; если бы был кто-нибудь ещё, я предпочёл бы не влезать.

Думаю, его это потрясло, но он остался с каменным лицом и добавил:

— Вы вдвоём работаете параллельно, но вы не детективы. Вы оба — Джорджи Джостары. Тебя устраивает быть притворщиком?

— Конечно да, — ответил я. — Разве я не упомянул это? Я был усыновлён. Ты говоришь мне, что я не Джордж Джостар, что ж… Так и есть.

Наконец-то я сорвал с него маску равнодушия.

Разве ему не показался странным момент, когда я назвал своё имя.

— Я просто предположил, что через сотню лет Джордж Джостар вполне может стать японским именем, — сказал он со смехом.

— Нет, нет, то есть, у некоторых людей имена странные, но большинство из них всё ещё зовут Танака Таро или другим очень нормальным именем.

Цукумодзюку глубоко вздохнул.

— Я даже не знаю.

Мне становилось его жаль.

— Прости, прости, может, мне стоило больше подыгрывать, но из меня никогда не было хорошего лжеца.

— Пожалуйста, пощади меня со своей симпатией.

— Отлично. В любом случае, где ты остановишься этим вечером? Наверное, сегодня тебе позволят поспать в госпитале, но что завтра?

— Хм…

— Ты мог бы проверить этот нетреугольный Бермудский треугольник. Я могу оплатить твой больничный счёт и расходы на транспорт. Вряд ли ты знаешь здесь кого-то ещё.

Кроме как, возможно, семьи Като.

В доме в Ниси Акацуки никто не жил; может быть, они и были дальними родственниками, но ключевое слово здесь дальними, и когда Цукумодзюку прибыл, то значительно разрушил их дом. Фактически это не его вина, но, если бы они держали на него зло, их трудно было бы

обвинить в этом. Может, лучше избежать неприятностей. Может, исследование их генеалогического древа в каких-то моментах потрепёт мне нервы.

— Или ты хочешь встретиться с… Некоторыми людьми, которые могут быть потомками твоей семьи?

— Ну… хотелось бы, по крайней мере, проверить, пришёл ли со мной мой багаж, поэтому мне хотелось бы поговорить с людьми из разрушенного дома, хотя бы вкратце. Не знаю, действительно ли мы родственники, но я думаю, что могу попытаться какое-то время поработать здесь детективом. Я немногое знаю об этом мире, не уверен, что у меня получится. Может, если мне нужны деньги, то легче просто получить нормальную работу.

— Да. Но сегодня вечером просто поспи. Ну и поездочка у тебя выдалась, ты чуть не утонул. Должно быть, ты измотан.

— Но я не хочу, чтобы мои вещи выбросили с завалами.

— Не беспокойся об этом! Сэрика всё ещё не оправилась от шока. Уверен, они остановились на ночь в каком-нибудь отеле. Да и полиции придётся осмотреть место происшествия, так что мы можем осмотреть всё завтра.

— Хорошо. Спасибо, Джордж Джостар.

— Чудно. Хмм. Если ты решишь отправиться к Бермудскому треугольнику, то я пойду с тобой. Самостоятельно путешествовать по новому миру будет нелегко, да и я бы с удовольствием посмотрел, как выглядит перемещение в другой мир.

— …спасибо. Но… я не могу объянить почему, но я думаю, что тебе не стоит посещать мой мир. Невозможно предугадать, что произойдёт, если два Джорджа Джостара встретятся.

Что-то вроде парадокса путешествий по времени?

— Тогда я позволю ему оставаться Джорджем Джостаром. Как бы то ни было. Я не тот же парень, что и Джордж Джостар, так какой здесь может быть парадокс?

— …нельзя сказать, что уготовил нам Потусторонний.

Ну вот опять. Я уже начинал ненавидеть это слово.

— Хорошо, хорошо, я бы с удовольствием посмотрел на другой мир, но вряд ли я смогу долго выжить без технологий последних ста лет, так что останусь на этом краю вселенной. У вас есть хотя бы поезда или самолёты? Добраться до дома кажется делом проблематичным.

— Угу.

— В нашем мире ты наверняка сможешь добраться туда за три часа на самолёте от Нариты до Кеннеди.

Точка Бермудского треугольника лежит на краю острова Манхэттен. Готов поспорить, прямо там, где стоит Статуя Свободы.

— Нарита? С горы Нарита?

— Да. Аэропорт Кеннеди назван в честь Джона Фицджеральда Кеннеди, бывшего президента, это аэропорт на острове Манхэттен.

— Хмм… Манхэттен, значит, Америка? И президент, который, скорее всего, в моём мире ещё даже не родился. История твоего и моего мира может отличаться, а потому, быть может, он никогда и не будет существовать.

— Верно. По правде говоря, если это — твоё будущее, то тебе лучше много о нём не знать.

— Ты так думаешь?

— Наверное, не стоит сильно об этом задумываться.

В этот момент у меня зазвонил телефон. Это был Сирай.

— Алло?

— Джордж, есть минутка?

— Ну да.

— Бинго, приятель. Сны решили все вопросы.

— …э! Уже? Правда!?

Мой взгляд встретился с взглядом Цукумодзюку. Его глаза выглядели очень расстроенно. Был ли у нас свой Хавьер Кортез? Если дело было в сексуальном насилии, то я уже почувствовал себя паршиво.

— Стоило только нам упомянуть сны, как все они вскочили, — продолжал Сирай. — Пока мы о них не напомнили, они забыли о снах всё. Однако каждый из них описал человека в натянутой на глаза шляпе. Он появлялся в их снах и сказал каждому из них одно и то же: «Когда полиция вас арестует и спросит про сны, скажите им это: Если Джордж Джостар когда-либо явится в Морио — я убью его». Он назвал твоё имя, Джордж! Каждый из пятнадцати сказал то же самое, слово в слово. Будто один человек вложил в их сны одно и то же сообщение. Также они знали его имя. Кира Ёсикаге. Охренеть, Джордж. Никогда о таком не слышал. Тебе лучше держаться от этого подальше.

А-а? Морио?

Где это, чёрт возьми, находится? Кто этот парень? Кто такой Кира Ёсикаге?

Он не просто заменил Хавьра Кортеза в роли Маэстро запертых комнат, но ещё и послал мне через людей предостережение?

— Жуть какая! Черта с два я туда отправлюсь, — сказал я.

Сирай на это не купился.

— Нет, серьёзно, Джордж. Есть угроза и опасность, так? Нам всё ещё нужна твоя помощь, не смей туда ехать.

— Я же сказал, что не собираюсь.

— А когда ты так говоришь, ты всегда отправляешься в самые ненормальные места.

Он уже знал меня очень хорошо.

— Но чувак, он же словно говорит мне приехать.

— Не надо! Этот чел может входить во сны людей! Это пиздец!

— Ах, говоря это, ты будто красным флажком размахиваешь.

— Это всерьёз опасно. Знаю, на этой работе мы сталкивались со всевозможными странностями, но некоторые ситуации находятся на другом уровне. Это определённо другой уровень. За рамками человеческого понимания.

Подобная хрень лишь разожгла во мне интерес! Впрочем, вслух я этого не сказал. Достаточно я уже завёлся.

— В любом случае, спасибо, — сказал я, повесил трубку и посвятил Цукумодзюку в курс дела. — В общем, мне нужно поехать, да?

— Хмм… да, — ответил Цукумодзюку. — Но я останусь в стороне от этого. Мы с Джорджем уже раскрыли наши версии дел, и мне есть чем заняться и о чём подумать.

Полагаю, в этом была доля правды.

— Тогда оставь это мне. Но я правда буду оплачивать твои счета и путевые расходы. Вот что я тебе скажу, я довезу тебя до Манхэттена, посмотрю на твой скачок через тругольник в другой мир и отправлюсь в Морио.

Я быстро завёл в поиск Морио на своём телефоне. Нашёл.

Наверху на северо-востоке, у побережья недалеко от города Н. Никогда там не был. Даже никогда о нём не слышал. Но некто оттуда хотел удерживать меня на расстоянии.

— Отлично, будет весело. Я ухожу домой. Завтра я загляну к тебе, дам телефон. Он будет под моим именем, но это даст нам возможность переговариваться.

К моему удивлению, Цукумодзюку поклонился.

— Эй, сейчас…

— Спасибо за твою доброту. В конце концов мы встретились всего пару часов назад. Кажется, оба Джорджа Джостара — джентльмены. Я искренне верю, что в нашей встрече есть особое значение.

— Ха-ха, хорошо. Может, не нужно таких формальностей. Попахивает манерами столетней

давности. Здесь мы более расслаблены, так?

— Хе-хе, мы с Джорджем были вполне «расслаблены», уверяю. Но я признателен. Я могу быть для тебя обузой какое-то время, за что извиняюсь. В данный момент мне не на кого больше положиться.

— Конечно. В любом случае, я иду домой. Увидимся.

— Тогда до завтра.

Я дал ему свою визитную карточку и остался с ощущением, что он был странным парнем, и встреча наша была странной, но каким-то образом в конечном итоге мы стали хорошими друзьями. Проснувшись следующим утром, когда я одевался, мне пришло известие о том, что Цукумодзюку мёртв.

Его тело было найдено в Морио.

«Вот дерьмо», — подумал я. Кто-то действительно хотел моего туда приезда.

Это вообще никак не было предупреждением. Всё это время меня туда зазывали.

Я собирался туда приехать и без убийства Цукумодзюку, тупоголовый кусок говна. Какая бессмысленная потеря! У него не было причин умирать!

Примечания:

[1] Загадка запертой комнаты — схема сюжета детектива, когда убийство (реже — кража) совершается в таком месте преступления, куда никто со стороны не мог прийти и откуда никто не мог выйти.

[2] (исп.) «Извините, что случилось? Где я?»

http://tl.rulate.ru/book/90885/2921631